

18+

СЕГА САШИН

ПОМНИ МЕНЯ

РОМАН

18+

Сева Сашин
Помни меня. Роман 18+

<https://litres.ru/74248984>

ISBN 9785007036641

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Она не искала справедливости. Она искала выход. Вика сбежала из дома, где любовь была хуже ненависти. Лёха вернулся с войны, где оставил всё, что делало его человеком. Они встретились в городе у моря — и решили, что если закон молчит, память заговорит. Но у памяти тоже есть кровь на руках.

Содержание

Внимание! 18+	5
ПРОЛОГ. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ УБИЛА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО ЛЁХИ	15
ГЛАВА 1. МАМА	15
ГЛАВА 2. СУД	18
ГЛАВА 3. ДЕТДОМ	21
ГЛАВА 4. НОЧИ	27
ГЛАВА 5. СЕРЁГУ ЗАБИРАЮТ	28
ГЛАВА 6. ПОСЛЕДНЕЕ	30
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮБОВЬ ОТЦА	32
ГЛАВА 7. ДВЕНАДЦАТЬ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Помни меня

Роман 18+

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3664-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание! 18+

Книга содержит сцены насилия, жестокости, упоминания сексуального насилия и психологически тяжёлые эпизоды. Текст не романтизирует насилие, не оправдывает самосуд и предназначен для читателей старше 18 лет. Все персонажи, события, организации, упомянутые в романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями и организациями — случайны.

ПРОЛОГ. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ УБИЛА

Конец сентября 2003 года. Владивосток. Дождь.

Дождь не переставал двое суток. Город стоял в чёрной воде. Фонари на Светланской мигали, расплывались в лужах. Вика шла к круглосуточной аптеке — не за лекарствами, а за ещё одним доказательством, что может выйти из дома и вернуться живой.

Она не смотрела по сторонам. Научилась. В Москве, на Рублёвке, любое лишнее движение привлекало внимание. Здесь, во Владивостоке, она всё ещё была чужая. Но уже почти своя. Деньги лежали во внутреннем кармане куртки — сбережения после побега от отца. Она пересчитала их в поезде. Семь раз. Шепотом. Как молитву.

На углу Спортивной она услышала крик.

Она остановилась. Крик был глухой, не уличный. Не пьяная драка, не разборки. Женский. Испуганный. Идущий снизу — из подвала. Дверь чёрного хода частной клиники была приоткрыта. Свет не горел. Только тусклая лампочка над входом, которая мигала в такт дождю.

Вика могла пройти мимо. Никто не узнал бы. Она не была героем. Не была полицейским. Не была добрым человеком — она сама себе этого не говорила. Но она была женщиной,

которая знала запах страха. И ноги понесли её вниз.

Лестница в подвал была скользкой, ступени бетонные, стёртые до ям. Пахло сыростью, лекарствами и закрытой комнатой, где человека держали слишком долго.

Стены из серого бетона, кое-где облицованные белой плиткой. Грязной. С трещинами. Горела одна лампа дневного света — она моргала и гудела. Мерный звук, как комар над ухом.

В углу на грязном матрасе сидела женщина, прижимая к себе девочку.

Вика замерла у последней ступеньки. Сначала увидела матрас. Пятна. Потом — женщину. Больничный халат, разорванный на плече. Разбита губа. Под глазом — свежий синяк. Волосы спутаны, слиплись. Она не плакала. Смотрела на Вику с чем-то средним между надеждой и ужасом.

Потом Вика увидела девочку.

Та сидела на коленях у женщины, вцепившись в халат. Лет семи. Пижама в медвежатах — разорвана, пуговицы оторваны. На шее — синяки в форме пальцев. Пятёрня. Взрослая. На руках — маленькие красные точки, следы от игл. Девочка не смотрела на Вику. Спрятала лицо в грудь матери. Дышала часто, прерывисто.

— Ты кто? — прошептала женщина.

— Та, кто поможет, — сказала Вика. И сама не знала, правда ли это.

— Не надо. Уходи. Пожалуйста.

— Не уйду.

Женщина заплакала. Тихо. Без звука. Протянула дрожащую руку, хотела оттолкнуть Вику, но сил не было.

— Он — главный врач, психиатр. Усыновил мою дочь, пока я лежала в психушке. Теперь имеет на неё право. Суд признал меня недееспособной. Он докажет, что ты сумасшедшая. Упечёт в дурку. Как меня.

Вика присела на корточки. Не приближалась. Смотрела в глаза.

— Расскажи.

Женщина сглотнула. Посмотрела на девочку. Погладила по голове — автоматом, как делают матери, когда хотят успокоить не ребёнка, а себя.

Елена говорила рывками, сбивалась, теряла слова. Часть Вика поняла сразу. Остальное — позже, когда увидела папки на столе Гинзбурга.

— Меня зовут Елена. Я родила Алису от другого. Её отец погиб, когда ей было два. Я осталась одна. Без денег. Без жилья. Встретила его. Он показался добрым. Сначала помогал, давал деньги, заботился. А потом начал насиловать меня. Я хотела уйти — он упёк меня в психушку. Сказал, что у меня депрессия. Меня кололи. Я теряла память. А Алису отдал в детский дом. Когда я вышла, он уже был её отцом по документам. Усыновил. И теперь делает с ней то же, что делал со мной.

— А ты? — спросила Вика. Голос ровный. Большой палец

сам считал складки на рукоятке ножа. Один. Два. Три.

— Я молчала три года. Боялась, что он вернёт меня обратно. Боялась, что Алиса останется одна. Сегодня он сказал, что будет «лечить» её новым методом. Запер нас здесь.

— Где он?

— Наверху. В кабинете.

— Сидите здесь.

Вика встала. Елена схватила её за рукав.

— Ты убьёшь его?

— Не знаю. Но он больше не тронет вас.

— Как тебя зовут?

— Неважно.

— Я буду молиться за тебя.

— Не надо. Я не от бога.

— Я всё равно буду.

Вика выдернула рукав. Пошла наверх.

Она поднималась медленно. Ступенька за ступенькой. В кармане — нож. Не боевой, не красивый: старый, кухонный, с дешёвой пластиковой рукоятью. Она взяла его из Москвы, в чемодане, между джинсами. Не думала, что использует. Держала от страха. Для себя. Чтобы спать спокойнее.

Рука легла на рукоятку. Металл холодный. Шершавый. Она вынула нож, провела большим пальцем по лезвию — тупым, не резало. Подумала: «Надо было точить».

В коридоре второго этажа горел ночник. Ковровая дорожка — бежевая, чистая. Пахло коньяком. И ещё чем-то слад-

ким, приторным.

Вика толкнула дверь кабинета.

Кабинет был большим. На стенах — дипломы в золочёных рамках. Фотографии с конференций: Гинзбург пожимает руки важным людям. На полу — пушистый ковёр, ворс высокий, ноги утопают. На столе — табличка: «Гинзбург Е. Б., психиатр, главный врач». Рядом — фотография в простой рамке: пожилая женщина, похожая на мать.

Гинзбург сидел в кожаном кресле, откинувшись на спинку. Пил коньяк из гранёного бокала, листал бумаги. Холёный, аккуратный, уверенный в том, что стены, дипломы и связи толще любого крика.

Он поднял глаза. Не испугался. Не вздрогнул. Посмотрел на нож в её руке — и улыбнулся.

— Вы заблудились, девушка? Приём в другом корпусе.

— Я знаю, кто вы, — сказала Вика. — Я видела девочку в подвале.

Улыбка сползла. Он поставил бокал. Аккуратно. По центру салфетки.

— Ах вот оно что. Елена нажаловалась. Знаете, она больна. Параноидная шизофрения. Ей всё кажется. А девочка — моя дочь. Я её отец. По закону.

— Вы насилуете её.

Он усмехнулся. Покачал головой — этак снисходительно, как с ребёнком.

— Вы ничего не докажете. У меня стаж, дипломы, связи.

А вы — никто. С кухонным ножиком. Уходите, пока я не вызвал полицию.

Вика не двигалась.

Он вздохнул. Встал. Поправил халат. Подошёл к ней — медленно, как к дикому зверю.

— Послушайте, девочка. Я дам вам денег. Хороших денег. Забудете эту историю. А Елена с Алисой поедут в санаторий. Лечиться. Им же лучше.

— Вы их убьёте.

— Вы не понимаете клинической картины. Такие, как Елена, опасны прежде всего для ребёнка.

Он протянул руку. Не к ней — к ножу. Хотел взять за лезвие. Спокойно. По-хозяйски.

Вика выкинула руку вверх. Щелчок кисти — почти как учил Лёха. Только это было не обучение. Не приём. Инстинкт. Семь лет счёта до ста. Семь лет, когда она не могла ударить. Теперь — могла.

Удар снизу — в горло. Одно движение. Лезвие вошло с хрустом — рассекая ткани, ломая хрящи. Кровь брызнула не сразу. Секунда задержки. А потом — хлынула. Тёплая, липкая. Вика повернула рукоятку. Не знала зачем. Просто чувствовала, что надо.

Гинзбург упал на колени. Потом на бок. Глаза открыты. Рот открыт.

Вика вытерла нож о его халат. Убрала в карман. Села на пол. Смотрела на тело.

Тело ждало реакции — тошноты, слёз, паники. Ничего не пришло. Только липкая тишина в ушах и чужая кровь на рукаве.

Счёт остановился на цифре «сорок два».

Она встала. Нашла на столе три папки: медкарты, старые справки, копии подписей — всё, чем Гинзбург держал их в руках и чем однажды можно было доказать, что он лгал. Забрала. Спустилась в подвал.

Елена и Алиса сидели там же. Девочка спала, прижавшись к матери. Елена смотрела на дверь. Увидела Вику — замерла.

— Всё, — сказала Вика. — Выходите.

— Ты убила его?

— Да.

— Тебя посадят. А меня — в клинику.

— Я дам денег. На первое время. Уезжайте. Снимите квартиру.

— Зачем тебе это?

Вика посмотрела на Алису. На синяки на шее. На следы от игл.

— Я была такой, как ты. Только без ребёнка.

Она вытащила из внутреннего кармана почти все свои сбережения. Оставила себе на хлеб и на проезд. Сунула в руку Елены. Скомканные купюры — пятьсот, тысяча, пять тысяч. Елена не считала. Просто сжала в кулаке.

— Иди, — сказала Вика. — Сейчас. Пока никто не пришёл.

Елена подхватила Алису. Девочка проснулась, испуганно моргнула.

— Мама?

— Всё хорошо, дочка. Мы уходим.

Алиса обернулась. Посмотрела на Вику. Не испуганно. Спокойно. Взросло. Запомнила лицо. Сказала:

— Ты не бойся. Я никому не скажу.

Вика не сдержала улыбки.

— Не возвращайтесь туда, где вас знают, — сказала Вика Елене. — Ни в больницу, ни к соседям, ни к тем, кто будет жалеть. Жалость болтает громче страха.

Елена кивнула. Не поняла до конца, но кивнула. Вика сунула ей папки под халат, туда же — деньги. Бумаги были важнее купюр: без них Алиса снова стала бы ничьей.

— На автовокзал. Первый рейс куда угодно. Завтра будете уже другими людьми.

— Бегите.

Они выбежали в ночь.

Вика вышла следом. Дождь кончился. Небо очистилось. Фонари больше не мигали — светили ровно, устало.

Она не пошла в аптеку. Повернула в сторону Рыбацкого района. Денег не осталось. Руки дрожали — первый раз за ночь. Она сунула их в карманы. Нашупала нож. Вытертый, уже без крови.

Шла и думала: «Теперь ты убийца. Обратной дороги нет». Подумала: «Пусть».

Утром клиника спасала не правду, а репутацию. Подвал отмыли до приезда милиции, матрас исчез, журнал камер превратился в «сбой питания», а в деле написали: неизвестный напал на главврача при попытке ограбления. Сотрудники молчали — кто из страха, кто из вины, кто потому, что иначе пришлось бы объяснять девочку в пижаме и женщину в подвале. Вика этого ещё не знала. Позже Лёха скажет: город умеет закрывать двери не хуже людей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО ЛЁХИ

ГЛАВА 1. МАМА

1983 год. Коммуналка на Семёновской. Семь утра. Сентябрь.

Он проснулся от тишины.

Мать всегда шумела. Гремела посудой — даже когда не мыла, просто переставляла с места на место. Включала телевизор на полную, чтобы соседи слышали, что у них есть цветной. Кричала на соседей — на тётю Зину из тридцать второй, на дядю Васю из сорок пятой. Сегодня — ничего.

Лёха сел на кровати. Насторожился. Даже часы не тикали — батарейки сели, стрелки застыли на без пятнадцати шесть. Он слез, босыми ступнями на ледяной пол — отопление ещё не дали, сентябрь выдался холодным. Доски скрипели, в щелях застряла грязь, вьёвшаяся за много лет.

Коридор коммуналки пах щами, стиральным порошком и кошками. Соседка тётя Зина уже встала — из-за двери доносилось покашливание и звон ложки о кружку. Лёха прошёл мимо. Не поздоровался. Не умел.

Кухня пустая. На плите — пустые кастрюли. На столе — кружка с недопитым кофе, в пепельнице окурок с помадой. Мать курила «Приму», без фильтра. Окурок ещё не остыл

совсем — значит, ушла недавно.

Ванная пустая. Зеркало запотевшее, но никто не мылся. Полотенце матери сухое.

Комната матери. Дверь открыта. Шкаф распахнут — вещалки болтаются, её норковой шубы нет. Куртки нет. Чемодана нет. На кровати скомканное одеяло, подушка вмятина. Тёплая ещё.

На столе — записка.

Школьная тетрадь в клетку, лист вырван неровно. Мать писала торопливо, буквы прыгали: «Сынок, прости. Мама».

Лёха прочитал три раза. Сжал в кулаке. Хотел порвать. Не порвал. Сунул в карман штанов. Вытащил. Положил обратно на стол. Взял снова. Скомкал. Выбросил в ведро. Потом вытащил и из ведра. Расправил ладонями. Спрятал под матрас.

Не знал зачем. Просто не смог выбросить.

Сегодня первое сентября. Ему в третий класс. Новый портфель стоит у двери — коричневый, кожаный, мать купила на базаре, торговалась долго, потом гордилась. Рядом — букет астр в газете. Цветы уже поникли, лепестки осыпались.

Он не пошёл в школу. Просидел на подоконнике до вечера. Смотрел на чайек над помойкой. На школьников с цветами — парадных, с родителями. На мальчика, которого вела за руку мать в таком же, как у него, новом портфеле.

Лёха сидел и повторял про себя: «Она вернётся. Она всегда возвращалась».

Но внутри, где-то глубоко, он уже знал: нет.

ГЛАВА 2. СУД

Через месяц. Зал суда.

Он никогда раньше не был в суде. Думал, там как в кино — высокие потолки, колонны, статуи с завязанными глазами. А здесь — маленькая комнатка с облезшей краской, пахнет пылью, старыми делами, нафталином и чем-то кислым — может, от охранника в углу.

Скамьи деревянные, скрипучие. Лёха сидел, ноги не доставали до пола. Рядом — тётя Рая, воспитательница из детдома, куда его ещё не отправили, но уже приготовили место. Толстая, краснолицая, пахнет капустой и злостью. В руках мнёт платок — нервничает. Лёха не понимал, почему она нервничает. Это не её мать отказывается от неё.

Мать стояла перед судьёй.

Лёха не узнал её. Норковая шуба — новая, дорогая. Волосы уложены, подкрашены. Губы накрашены. Она пахла духами — теми, что стояли в ванной в запечатанной коробке, «для выхода». Рядом — мужик в кожаном пальто. Лет сорока, лицо сытое, перстень на пальце. Стоял чуть позади матери, положив руку ей на плечо. Хозяйский жест. Собственный.

Лёха смотрел на этого мужика и чувствовал, как внутри закипает что-то тёмное. Не ревность. Другое. Он не умел называть это тогда. Потом, в Чечне, назовёт: «ненависть».

Судья — мужчина в очках с толстыми стёклами, похожий на учителя математики — надел очки, прокашлялся.

— Отказываетесь от родительских прав?

— Отказываюсь.

Голос матери был ровный. Она не смотрела на Лёху. Смотрела в пол. В стену. В потолок. На свои руки. Куда угодно, только не на него.

— Ребёнку восемь лет. Вы уверены?

— Уверена.

Судья помолчал. Посмотрел на Лёху. На мать. Покачал головой — едва заметно, по-человечески. Потом взял печать. Тяжёлую, металлическую. Стукнул.

Звук разнёсся по залу.

— Всё. Свободны.

Тётя Рая взяла Лёху за руку. Пальцы у неё были влажные, горячие.

— Пошли, малец.

Он вырвался. Сильнее, чем она ожидала. Спрыгнул со скамьи. Подбежал к матери. Схватил за край шубы.

— Ты почему? Я же тебе не мешал. Я посуду мыл. Я слушался. Я уроки делал. Ты сама говорила, я хороший.

Мать открыла рот. Ничего не сказала. Губы дрожали. Мужик сжал её плечо — крепко, почти больно.

— Пойдём. Не слушай.

Она развернулась. Пошла к выходу. Не оглянулась. Шуба шелестела. Каблуки цокали по кафельному полу. Дверь за-

крылась.

Лёха стоял в пустом зале. Тётя Рая подошла, хотела взять за руку. Он отдёргнул.

— Не трогайте.

— Ладно. Не трону.

Он стоял и смотрел на дверь. Ждал. Пять минут. Десять. Дверь не открылась.

В тот момент он решил три вещи. Не вслух. Просто внутри, навсегда. «Никогда не буду слабым. Никогда не буду просить. Никогда не поверю, что кому-то нужен».

Ночью, в детдоме, лёжа на чужой койке, он вспомнил, как в последний вечер перед её уходом мыл посуду. Мать стояла рядом, курила. Сказала: «Ты у меня молодец. Самый лучший». И погладила по голове. Ладонь была тёплая.

Он закрыл глаза. Постарался сохранить это ощущение. Не получилось. Оно растворилось, как аспирин в воде.

Через год он перестал вспоминать её лицо. Осталась только ладонь. Тёплая. И больше ничего.

ГЛАВА 3. ДЕТДОМ

1983 год. Детдом №2 «Восход». Первый день.

Чужой запах. Смесь хлорки, тушёной капусты, старых матрасов и детского пота. Коридор длинный, с облупившейся зелёной краской. Пол бетонный, холодный. Лёха шёл босиком — тапки дали чужие, на два размера больше, шлёпали по пяткам.

Койка пахла чужой мочой. Матрас серый, в жёлтых пятнах, пружины торчат, царапают спину через тонкую простыню. Сорок пар глаз смотрели на новенького. Сорок мальчишек — от шести до шестнадцати — кто с любопытством, кто с равнодушием, кто с опасной усмешкой.

В рюкзаке — две футболки, застиранные, штаны с заплаткой на коленке и книжка «Два капитана». На форзаце мать написала: «Лёшеньке от мамы». Он открыл книгу на этой странице, закрыл. Спрятал под матрас.

— Будешь здесь, — тётя Рая ткнула пальцем в койку у окна. Даже не взглянула. Уже забыла его имя, наверное.

Он сел. Не лёг. Спиной к стене, лицом к двери. На всю жизнь привычка.

Сосед слева — пацан с огромными синяками под глазами. Лёха спросил тихо:

— Кто тебя?

Пацан ничего не ответил. Отвернулся к стене. Сосед спра-

ва — рыжий, веснушчатый. Шепнул:

— Не разговаривай с ним. Он тормоз. И смотри, чтобы ночью ботинки не спёрли. Твои хорошие.

Лёха кивнул. Засунул ботинки под подушку.

Неделя прошла как в тумане. Подъём — завтрак — построение — уроки — обед — тихий час — ужин — отбой. Всё по звонку. Как в армии, только без оружия. Лёха быстро понял: здесь не заботятся, здесь следят, чтобы не сбежал.

По ночам детдом становился другим. Днём в коридорах пахло хлоркой и кашей, ночью — табаком сторожа Вити, мужа тёти Раи. Он ходил мягко, в тапках, будто боялся разбудить взрослых, но дети всё равно слышали. Где-то скрипела дверь. Кто-то утром сидел на кровати, натянув одеяло до подбородка, и не шёл завтракать.

Тётя Рая тогда говорила: «Не выдумывай. Ночью всем страшно». И закрывала дверь в свою комнату на ключ.

Он заметил, что старшие приходят не в их спальню — до поры. Присматриваются. Оценивают.

Через неделю пришли.

Клык — тощий, без передних зубов, с длинными рукавами, под которыми прятал худые руки. Двое псов за ним — один с кривым синяком на пол-лица, второй толстый, с масляными глазами. Сели на койку, пока Лёха завязывал шнурки.

— Новенький. Давай поиграем. Ботинки отдашь — бить не буду.

Лёха не поднял голову. Продолжал завязывать.

— Не отдам.

— Упрямый, — Клык усмехнулся беззубым ртом. — Я люблю упрямых.

Удар прилетел под дых. Лёха не ожидал — согнулся, выдохнул, лёгкие будто сплющило. Ботинок — тот самый, новый, кожаный — полетел в лицо. Край подошвы попал в бровь. Лёха повалился набок. Удары посыпались со всех сторон — по спине, по ногам, по голове.

Он не кричал. Сжал зубы. Закрыв голову руками. Вспомнил, как мать говорила: «Если упал — не лежи, вставай». Не мог встать.

Очнулся в туалете. Глаза не открывались — левый заплаыл. Губа разбита, из носа течёт, кровь пополам с соплями. Без ботинок. Без куртки. Рядом — банка из-под кильки. Кто-то описался в неё. Запах острый, кислый.

Он сидел на полу, привалившись к унитазу. Считал удары сердца. Сто. Двести. Потом перестал.

«Никогда больше».

Встал. Умылся холодной водой из крана. Посмотрел на себя в разбитое зеркало — осколок, приклеенный к стене. По лицу не узнать. Синяк под глазом, губа распухла, бровь рассечена.

Понял: никто не поможет. Только он сам.

В столовой на следующий день Клык бросил хлеб в лужу — на полу разлили компот, натекла мутная сладкая лужа.

— Иди подбери.

Лёха встал. Подошёл. Все смотрели. Воспитатели тоже — но сделали вид, что не видят. Он знал: не вмешаются. Свои порядки.

Он взял хлеб. Поднял. Посмотрел на Клыка. Положил обратно. Ногой раздавил — так, что мякиш вмок в компот.

— Не голодный.

Клык побагровел.

— Ночью труп.

Воспитательница тётя Рая, та самая, что делала вид, будто не видит, сказала:

— Кончай цирк. Садись ешь.

Лёха сел. Не ел. Смотрел в тарелку. Каша остыла, покрылась плёнкой. Он ненавидел кашу с тех пор.

Вечером его вытащили из спальни. Ударили по голове — тем же ботинком. Поволокли по коридору. Пол бетонный, холодный. Спина саднила. Он не кричал. Только смотрел в потолок. Лампы дневного света гудели, бежали навстречу белыми полосами.

Бросили в старой теплице за спортзалом. Стекла разбиты, рамы гнилые. Сыро, пахнет землёй и гнилью. На полу — грязный матрас, мокрый от дождя.

— Посиди тут.

Дверь захлопнулась. Задвижка лязгнула.

Темнота была плотной, тяжёлой. Он лежал на матрасе, смотрел в неё. Плакал. Не стеснялся — никто не видел. Пла-

кал тихо, чтобы не слышали. Мать. Ботинки. Хлеб, раздавленный ногой. Клык. Тётя Рая. Суд. Дверь, которая закрылась.

Потом слышал шаги. Не снаружи — изнутри теплицы. Осторожные, крадущиеся.

— Эй, ты живой?

Лёха вскинулся. Сердце заколотилось. Голос — мальчишеский, не взрослый.

— Кто там?

Шорох. Пацан просунул в дыру в стене руку с хлебом и телогрейкой — старой, в заплатках, пахнущей потом и свободой.

— Меня Серёгой зовут. Слышал, тебя сюда бросили. Держи.

Лёха взял хлеб. Проглотил, почти не жуя.

— Ты новенький? — спросил Серёга.

— Ага.

— Долго не протянешь.

— Знаю.

— А хочешь дружить? Вдвоём веселее.

Лёха замолчал. Никогда не думал о дружбе. Мать ушла. Отца не было. Соседей он не считал. Но в темноте, воняющей гнилью, чужой голос был как свет.

— Давай, — сказал он.

Они стали друзьями. Дрались вместе — плечом к плечу. Воровали хлеб из столовой — Серёга отвлекал воспиталку,

Лёха лез в подсобку. Защищали малышей — тех, кому было пять-шесть, кто ещё не умел защищаться.

Однажды Клык сказал Лёхе: — Тебя убьют первого. Ты слишком много лезешь.

— Значит, помирать будем вместе, — ответил Серёга из-за его спины.

Клык тогда отступил. Повезло.

ГЛАВА 4. НОЧИ

После той драки Лёха перестал спать.

Не мог. Каждую ночь проваливался в темноту — и сразу возвращался. Сердце колотилось, руки сжимали одеяло. Снилось одно и то же: мать уходит, дверь закрывается, он бежит за ней босиком по ледяному полу, а она не оглядывается.

Он садился на койке, смотрел в окно. Фонарь за окном горел ровно, не мигал. Лёха смотрел на него, пока глаза не начинали слезиться. Считал до ста. Потом до двухсот. Иногда до рассвета.

Тётя Рая заметила.

— Ты чего не спишь, малец?

— Высыпаюсь.

— Врёшь.

Он понял: сон — это уязвимость. Во сне ты не контролируешь. Во сне тебя могут ударить. Он научился спать урывками — по двадцать минут, прижавшись спиной к стене, лицом к двери. Сначала под подушкой лежала тупая столовая вилка, потом, когда подрос, самодельная заточка из напильника.

Так он проспал следующие семь лет.

ГЛАВА 5. СЕРЁГУ ЗАБИРАЮТ

1985 год. Серёгу забирали.

Тётя из Краснодара — полная, в цветастом платке, пахнущая пирогами и чем-то сладким. Смотрела на Серёгу как на щенка в зоомагазине. Серёга стоял бледный, с перепуганными глазами.

— Я не хочу, — прошептал он Лёхе в коридоре перед отъездом. — Я боюсь.

— Не бойся. Тётя вроде добрая.

— А вдруг она злая?

— Тогда сбежишь. Я здесь.

Серёга кивнул. Сглотнул. По глазам было видно — не верит.

Лёха стоял у ворот на босу ногу — свои ботинки отдал Клыку, чтобы тот не трогал малышей. Грязь холодная, чайки над головой орут.

— Не забывай меня!

— Не забуду.

Они обнялись. Коротко, по-мужски — хлопнули по спинам. Серёга сел в машину. Не оглянулся. Тётя из Краснодара улыбалась.

Лёха стоял у ворот, пока машина не скрылась за поворотом.

Переписывались. Письма шли месяц. Лёха писал редко —

не умел выражать словами. Серёга много — про школу, про улицу, про то, что тётя добрая, но муж у неё пьёт.

Потом письма перестали приходить. Лёха писал три раза. Ответа не было.

Через десять лет он узнал: Серёга умер от передоза в семнадцать. Сел на иглу в Краснодаре, скатился за год. Тётя умерла от инсульта, мужа посадили.

Слёз не было. В тот вечер он сидел на подоконнике своей квартиры во Владивостоке, смотрел на море и курил одну за одной.

Подумал: «Все уходят. Мать ушла. Серёга ушёл. Я остаюсь».

С того вечера тепло больше не возвращалось. Не боль — её он уже знал. Хуже: ровное место там, где раньше хоть что-то отзывалось.

ГЛАВА 6. ПОСЛЕДНЕЕ

1991 год. Лёхе шестнадцать.

Тётя Рая позвала после завтрака. Пахло кашей и казённым чаем. Она сидела в своей комнате, вязала крючком — вечно вязала, будто этим спасала мир.

— Мать твоя умерла, — сказала без предисловий. — Рак. В Хабаровске. Одна.

Лёха замер. Ждал боли. Было пусто.

— Понятно.

— Соболезную

— Не надо.

Он развернулся. Вышел. Зашёл в туалет. Сел на корточки. Закрыв лицо руками.

Не заплакал.

Вспомнил: мать гладит по голове. Тёплая рука. Запах пирожков — она пекла по воскресеньям, пока могла. Вспомнил, как она сказала в последний вечер: «Ты у меня молодец. Самый лучший».

Изображение рассыпалось. Мать ушла. И в этот раз — навсегда.

Он вышел из туалета. Пошёл на обед. Съел кашу. Не поморщился.

С того дня он не вспоминал о ней. Только раз, в Чечне, под обстрелом, когда рядом разорвался снаряд и осколок чирк-

нул по плечу, он подумал: «Мама, где ты?»

И понял: она была. И ушла. А он до сих пор не простил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮБОВЬ ОТЦА

ГЛАВА 7. ДВЕНАДЦАТЬ

1995 год. Рублёвка. Дом с колоннами.

До того, как всё сломалось.

Вике двенадцать. Она сидит на подоконнике в розовой комнате. Комната большая — с кроватью под балдахином, с французскими обоями, с горой игрушек, в которые она уже не играет. На коленях — щенок. Соседский, выпросила на час. Мопс, толстый, с глупой мордой и влажными глазами. Он лижет ей пальцы.

Вика смеётся. Тем смехом, что исчезнет на годы. Беззаботным, громким, настоящим. Щенок поскуливает, она прижимает его к груди.

В комнату заходит мать. Красивая, накрашенная, в шёлковом халате. Холёная. Смотрит на щенка — и лицо меняется.

— Выкинь.

— Мам, ну пожалуйста. На час.

— Отец не любит собак. Ты знаешь.

— А папа не увидит.

— Увидит. Он всё видит.

Вика вздыхает. Последний раз трёт щенка за ухом, целует

в мокрый нос. Отдаёт соседке через забор — та живёт за три дома, мать запретила пускать её на участок.

— Приходи завтра, — шепчет щенку Вика.

Щенок не пришёл. И она тоже.

Утром — день рождения. Круассаны, икра, шампанское для взрослых. Мать в шёлковом халате, покрашенная — даже в выходной не смывает косметику. Отец в костюме — хотя сегодня воскресенье.

— С днём рождения, доченька.

Подарок — Rolex. Золотой, с бриллиантами. Огромные часы на тонком запястье. Вика смотрит на них и думает: «Они тяжелее щенка».

— Спасибо, папа.

— Носи с гордостью. Это тебе на всю жизнь.

Она кивает. Надевает.

— Папа, можно собаку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.